

В детстве я каждую осень плавал на лодке, а то и отмеривал пешком по пятнадцать километров за ягодами. Иногда с мамой, а чаще всего — с бабушкой Феней. Свою бабушку я очень любил, и до сих пор у меня сохранилась о ней светлая память.

Вызревала в маковских борах черника, и бабушка тащила меня за собой в дальние леса, к чёрту на кулички. За черникой вызревала брусника, и снова мы первые в борах. Потом следовала клюква, а уж по снегу мы собирали калину...

Сквозь сон слышу — громко стукнула калитка, потом скрипнула дверь, и сразу же бабушкин голос:

— Вас всегда не дождёшься, Лизавета.

Мама, охраняя последние минуты сыновнего сна, тихо отвечает:

— Будить ить жалко в такую рань,— и шёпотом добавляет: — Пусть ещё понежится...

— Если жалко парнишонку, то сама собирайся,— ворчит бабушка.

— Куда ж я от скота? — вздыхает мама.— Коров не встречал ещё пастух. Успею ли?

Мама работала на колхозной ферме, и редко ей удавалось «сорваться» за ягодами.

Бабушка ворчливо подводит черту сказанному:

— Вечно у вас так: как в лес идти, так собак кормить. Люди вона не спят... Вчерась я наткнулась на гривку — полно брусницы, хоть лопатой гребь,— и мне повелительно: — Ну-ка, подымайся, лежебока.

...Бабушка Феня, низкорослая, коренастая, круглолицая старушка, похожая на колобок, катится по узкой, еле заметной лесной тропинке, подпрыгивая на корнях, как мячик. Она мчится на восход солнца. Большой кузов¹ закрывает ей спину и, болтаясь на лямках, жалобно скрипит. Бабушка, причмокивая губами, беспрестанно что-то шепчет. Я еле поспеваю за ней, задыхаясь, падаю, вскакиваю и, часто оглядываясь, бегу следом.

¹ Кузов — объёмистый короб, сделанный из бересты.

Ещё солнце не успело подняться над вершинами леса, а мы уже в бору. Бабушка Феня скоро и безошибочно находит вчерашнюю гривку, на которой сплошным ковром стелется на низкорослых ветках брусника.

Облюбовав возвышенное приметное местечко, она опускается на мшистую колоду и долго глядит на солнце. Потом снимает со спины свой старенький кузов, сгибает тонкое деревце и на его вершину привязывает платок. Распрямившись, деревце ещё долго качается, а на нём, как флаг, реет кумачом ситец. Это для того, чтобы «табор» можно было увидеть с любого конца бора.

Над нами кружится мошка, лицо быстро припухает от её укусов. Тело чешется, словно нахлѣстанное крапивой. Бабушка Феня достаёт из кармана широких шаровар флакончик с дѣгтем, разведѣнным скипидаром, и долго, не спеша, намалёвывает своё лицо. Оно становится чѣрным, похожим на обгорелый пень, только в щѣлочках искрятся глаза, которые, глядя на меня, излучают ласку. В них застывает смешинка. Бабушка хватает меня за ручонку и в ладошку, которую я делаю предварительно лодочкой, набрызгивает мазуту. Я нехотя сандалю дѣгтем свою рожу и руки. Теперь назойливый гнус лезет в глаза, в уши, под одежду...

Ещё седая от росы земля, а мы уже собираем бруснику. Бабушка не разгибает спину, руки её бегают, как челнок. Спелые крупные ягоды быстро наполняют посуду. Я, стараясь не отстать, подражая бабушке, тороплюсь и беру ягоду споро. Но не прошло и четверти часа, а у бабушки уже полная набирка². Пасмурно у меня на душе оттого, что моя посуда наполняется медленно, что у меня не получается так, как у неё, в моей набирке нет и половины.

Бабушка идёт к «табору» и высыпает там в кузов первую порцию. Возвратившись, прищуренными глазами долго смотрит на меня.

— Ох, Олѣшка, что же мне с тобой делать? Лоботряс же ты... Так и есть, лодырь первый. Штанишки же издерѣшь о сучья и шишки. Чо ты ползашь-то на коленках?

Я как ошпаренный вскакиваю на ноги и снова проявляю видимое усердие.

² Набирка — посуда, сделанная из бересты, для сбора грибов и ягод.

Наполнив кузовок, бабушка Феня подбадривает:

— Давай, давай, Олёша, старайся. Я тебе рубашонку за это сошью к школе. Может, и на ботинки расстараяюсь...

Бабушка Феня подалась к болотцу. Нас отделяет густой перелесок. Облегчённо вздохнув, я бросаю набирку и, довольный короткой передышкой, усаживаюсь верхом на полусогнутую берёзку. Болтая ногами, раскачиваюсь на ней. Передо мной разевает зубастый рот волшебная щука из сказки «По щучьему веленью» и спрашивает у меня первое желание. Первое, что бы я хотел: «Наполнись, кузовок мой, брусникой». Как я хочу!

— Этак ты и собираешь ягоду? Хоть бы постыдился... — печально кивает головой бабушка.

Меня точно ветром сдувает с «коня», и я, спрятав от стыда глаза, снова принимаюсь за ягоды на гривке. Бабушка, вынырнув из-за перелеска, быстро идёт в мою сторону. В одной руке она несёт набирку, полную брусники, в другой — увесистый узел. Строго посмотрев на меня, бросает:

— Давай набирку...

Я смотрю на неё непонимающе. Высыпав из узла в мою посуду ягоду, командует:

— Пошли...

Понурился, плетусь за ней к «табору». Ещё издали вижу, что кузова, её и мой, наполнены доверху спелой ягодой. И точно знаю, что это не волшебная щука, а бабушка Феня постаралась за меня. Стало жалко её, старенькую. Не подозревая перемен в моём настроении, она нарвала зелёного болотного мха. Наложив его на ягоду тонким слоем, придавила берёзовыми прутиками. Затем, снова намалевав себя и меня дёгтем, водрузила на мою спину кузовок, сама взвалила свой большой и, подавшись от тяжести вперёд, тронулась по тропинке.

— Не отставай, Олёша. Шевели броднями...³

— Ладно... — соглашаюсь я с ней.

Вскоре бабушка, поджидая меня, садится на колодину, развёртывает свой обед. Я, запыхавшись, падаю рядом, с наслаждением вытягиваю ноги и распрямляю спину. Бабушка Феня ворчит:

— Зачем с маху бросаешь? Кузовишко сломашь...

³ Бродни — обувь.

А сама пододвигает сдобные шаньги, морковные пирожки, достаёт в пол-литровой бутылке воду. Тут же предупреждает:

— Воду припивай токо... До ручья далеко. Смочи горлышко, и будет.

Бабушка Феня выцветшими глазами с поднебесной синевой смотрит то на солнце, то на меня. Тихо спрашивает:

— Скоро в школу пойдёшь, поди?

— Угу, — отвечаю я, улетаая за обе щёки пироги.

Бабушка, поджав губы, огорчённо вздыхает:

— С кем теперь подамся за брусницей? И так с ягодой опоздали маленько. Там и клюква на носу, не увидишь, как подоспет. А там, гляди, калина...

Я радуюсь, что школа избавит меня от мытарств. Но в то же время мне лестно, что бабушка сокрушается о своём верном напарнике.

— Я же в первую смену буду учиться, — рассуждаю, как взрослый. — Главное, не проспать утром.

Бабушка ласково смотрит на меня. Потом, притянув к себе, целует мои волосы. Развязав неизменный бордовый платок, отсыпает в него добрую половину ягод из моего кузова и привязывает узел сверху на свой.

Как-то вечером подслушал я разговор.

— Ты зачем так мучаешь себя? — спросила бабушку мама.

— Как мучаюсь? — не поняла бабушка.

— Свой кузов через силу тащишь и ещё Алёшкину ягоду прихватываешь.

— Он же ещё ребёнок, — тихо ответила бабушка.

— Меньше хватать надо, — не унималась мама. — Куда столько?

— Охота ведь, чтобы и ты с ягодой была. Парнишонка-то старательный. Пока я свой кузов наберу — у него уже полная посуда.

— Ой ли?

Теперь, когда детство далеко позади, я часто бываю на своей родине, в Маковском. И каждый раз, когда иду по лесным тропинкам, ведущим к борам с гривками и «курешками» брусники, вспоминаю свою добрую бабушку Феню. И звенит её голос песней, которых я немало услышал, когда она, ворочая веслом, везла меня на лодке к дальним-предальним борам.